

Елена Чхаидзе

Политика и исследование русско-грузинских
литературных связей в Грузии:
с советского периода по постсоветский

История исследования русско-грузинских литературных связей в Грузии пережила яркий расцвет в середине XX века и полную не востребованность в начале XXI в. В поле моих научных интересов, которые касаются изучения русско-грузинских литературных взаимоотношений постсоветского периода, попала некогда известная кафедра «Истории русской литературы» Тбилисского государственного университета им. Иванэ Джавахишвили. Главной её задачей являлось исследование названных связей и курирование работ по русско-грузинским литературным отношениям в республике. В постсоветский период роль и положение кафедры изменились. В данной работе мне хотелось бы на конкретном примере обратить внимание на существующую зависимость научно-исследовательского процесса от политических событий, целей и задач официального курса государственной власти. Я попытаюсь впервые систематизировать и проанализировать процесс исследования русско-грузинских литературных взаимоотношений в Грузии, начиная с досоветского, заканчивая постсоветским периодом. Учитывая то, что, во-первых, русская литература, как, частично, и грузинская, играла важную идеологическую роль и была насквозь политична, и что, во-вторых, та часть исследовательского процесса, который существует в формально-институциональных рамках не может быть независимым от государственной власти, моя периодизация будет ориентирована

© Елена Чхаидзе. 2015

© TSQ № 53. Summer 2015

на политические события и на периоды истории, являющиеся общими для обеих стран.

Весь процесс русско-грузинской литературной коммуникации я условно разделила на пять периодов: досоветский (до-имперский и имперский); советский, который включает в себя раннесоветский (от революции до конца 1950-х годов), период «застоя» (сер. 1960-х гг. — сер. 1980-х гг.) и позднесоветский (конец 1980-х гг. — до развала СССР); постсоветский, включивший в себя первый период (1990-е гг.) и второй (с начала XXI в. по сегодняшний день). В каждом из них будут описаны основные его особенности: тенденции развития, факторы, персоналии, основные темы исследования. Во главе описаний я буду опираться на ключевых грузинских исследователей, которые и задавали основной вектор «русского» литературоведения в Грузии.

Для того чтобы, по возможности, полно осветить тему, заданную в заголовке статьи, мне необходимо ответить на следующие вопросы: что послужило основной причиной начала исследования русско-грузинских литературных связей в Грузии? какой национальности были учёные и какие задачи они перед собой ставили? кто из писателей входил в круг научных интересов? что умалчивалось в изданиях советского периода? что стало причиной спада интереса к вышеуказанной теме исследования? как же связаны политика и исследование русско-грузинских литературных отношений в Грузии?

Для анализа, я обращусь к терминам, переосмысленными либо введёнными теоретиками постколониализма Эдвардом Саидом и Хоми Бхабхой («другой», «мимикрия», «гибрид»).

Досоветский период

(предпосылки к зарождению процесса исследования русско-грузинских литературных связей)

Досоветский период литературной коммуникации между Грузией и Россией включает в себя два временных отрезка: до-имперский, т.е. номинально до Петра I, и имперский. Перед тем как начать разговор об исследовательском процессе, необ-

ходимо обратить внимание на тот литературный пласт, который уже накопился к его началу.

К истории русской литературы и к теме Грузии в ней в досоветский и ранний советский период обращались востоковеды и картвелологи: Марий¹ Броссе, Александр Хаханов/Хаханашвили, епископ Кирион II, Карпез Дондуа, Корнелий Кекелидзе. Целенаправленное исследование русско-грузинских литературных связей не являлось их основной задачей. «Поточное» исследование началось позже.

В формировании представления о досоветском периоде русско-грузинских литературных отношений поможет фундаментальный труд основателя школы исследования русской литературы в Грузии Вано Семёновича Шадури² «Летопись дружбы грузинского и русского народов с древних времён до наших дней».

В первом томе двухтомника представлено исследование литературных отношений двух стран начиная с древнего периода и заканчивая XIX веком. Главной причиной зарождения взаимосвязей Древнерусского государства и Грузинского царства автор считает единое вероисповедание. В раннефеодальную эпоху контакты между, обобщённо назовём их, русскими и грузинами осуществлялись через русские и грузинские заграничные монастыри.³ Например, грузинские мастера приглашались для участия в украшении мозаикой главной церкви Киево-Печерской лавры.

Исходя из анализа труда Шадури, напрашивается вывод, что политические связи между государствами были установлены ближе к XII веку, т.е. позже культурных, которые прослеживались уже к X веку.⁴ Доказательством того, что русские и

¹ Русифицированная форма предпочтена автором статьи. (Ред.)

² Подробнее о нём пойдёт речь позже.

³ Летопись дружбы грузинского и русского народов с древних времен до наших дней: художественные произведения, документы, письма, мемуары, статьи / [Сост.: Вано Шадури, Гарегин Бебутов], Т. 1-2, 2-е, доп. изд. Тбилиси: Литература да хеловнеба, 1967. Т. 1, с. 33-36.

⁴ Хотя в обзорном труде 2011 года под редакцией Элгуджи Хинтибидзе звучит противоположное мнение. Авторы соответствующего раздела считают, что сначала были завязаны политические связи, а позже культурные.

грузины знали друг о друге уже в те времена, служит «Киево-печерский патерик».⁵ В древнерусских летописях XIII-XV веков Грузия и грузины упоминаются как: «Обезы» и «обежане»⁶, «Горзустани», «Гурзы», «Иверия».⁷

Опять же исходя из исследования Шадури, следует отметить, что русская тема в грузинской литературе (в объеме этого понятия не включается историография) начинается с панегирика русскому царю Петру I: «Восхваление и порицание царей» (1709 г.)⁸, автором которого предположительно является друг и сподвижник Петра I — грузинский царь-поэт Арчил II.

Позже «русская» тема продолжается в грузинской литературе XVIII века в описаниях «бедствий Иверии». С Россией авторы связывают надежду о защите от турецких и персидских захватов и ассоциируют её с «солнцем с севера».⁹ В текстах Мамуки Бараташвили, Давида Гурамишвили, царя Теймураза II и Бесики прочитываются описания русской природы, русской жизни, описания городов (Петербурга, Петерго-

См.: Бежитадзе, Марине, Джавахадзе, Ирина. Грузино-русские литературные взаимосвязи // История исследований грузино-иностранных литературных взаимосвязей. Под ред. Э. Хинтибидзе. Тбилиси: [Лаборатория по исследованию грузино-иностранных литературных взаимосвязей ТГУ], 2011, с. 184-285, с. 185 [на грузинском языке].

⁵ Летопись дружбы грузинского и русского народов с древних времен до наших дней: художественные произведения, документы, письма, мемуары, статьи / [Сост.: Ваню Шадури, Гарегин Бебутов], Т. 1-2, 2-е, доп. изд. Тбилиси: Литература да хеловнеба, 1967. Т. 1, с. 33-36.

⁶ Там же, с. 18.

⁷ Там же, с. 35-36.

⁸ Но ср.: «упоминание о русских в грузинских источниках мы встречаем с давних времен (XI в.). Здесь можно назвать как летописцев (Сумбат, сын Давида, историк царицы Тамар и др.), так и мастеров художественного слова (Евфимий Атонели, Георгий Мтацминдели, Чахрухадзе и др.)» (Менабде, Леван. Изучение древнерусской литературы в Грузии // Русская и грузинская средневековые литературы, отв. ред. Гелиан Прохоров. Ленинград: Наука, с. 204-211; с. 204). В «Биографии Тамар, царя царей» «летописец» довольствуется далеко не только упоминанием. Где пролегает граница между упоминанием и тематизацией, средневековыми историографией и «художественным словом»? (Ред.).

⁹ Там же, с. 69-76.

фа, Астрахани, Москвы), образа Петра I и даже образа русского мужика и русской девушки.¹⁰

Как отмечает Шадури, важной особенностью того времени являлось обращение грузинских авторов к образу России на основе собственных впечатлений о стране, а обращение русских писателей XVIII века к Грузии — на основе услышанного. От поездки в южную страну отталкивал страх возможных мусульманских набегов¹¹.

Говорить о русско-грузинских связях XIX-XX веков не имеет смысла, потому что о них написано многое¹² и повторять не стоит, это не является моей задачей.

Важно отметить, что досоветский период русско-грузинских литературных связей отмечен вхождением в русскую литературу грузинской, кавказской тематики, как неотъемлемой её части¹³, а в грузинскую — русской; завязываются дружеские и профессиональные контакты между писателями и поэтами, но в Грузии объёмный научно-исследовательский процесс в отношении русско-грузинских литературных связей пока не начат.

Советский период

1) Раннесоветский период: с момента образования Грузинской ССР до 1950-х гг. XX века

До 30-х гг. XX века русско-грузинские литературные и культурные связи развивались в первую очередь в рамках личной дружбы и профессиональных интересов грузинских и русских писателей, т.е. вне каких-либо формальных единиц: не было институтов, кафедр, музеев «дружбы». В этот период

¹⁰ Там же, с. 97-98.

¹¹ Там же, с. 97-98.

¹² Достаточно обратиться к трудам В. Шадури, Игоря Богомолова, Лины Хихадзе, Ираклия Андроникова (Андроникашвили), Ивана Ениколопова (Энаколопашвили) и других.

¹³ Грузинская тема появляется уже в русской средневековой литературе, которую принято называть древнерусской. Например, в «Повести о Вавилонском царстве» (XV в.) и в «Дивной повести о царице Динаре» (к. XV – нач. XVI вв.). См.: Летопись дружбы..., Т. 1, с. 46.

начинается исследование русско-грузинских литсвязей в институциональных рамках.

Приход к власти большевиков в России и аннексия Грузии в 1921 году для начала исследования русско-грузинских литературных взаимосвязей сыграли решающую положительную роль. Исследовательский процесс в ракурсе межнациональных отношений явился одной из «скреп» между «своими» (Москвой, Россией) и «чужими» (Тбилиси, Грузией). Науку, а в нашем случае — литературоведение, власть поставила на службу госинтересов. Оно стало одним из основных орудий пропаганды и средством объединения разных народов в СССР.

Важнейшие партийные документы (документы XIII съезда партии «О печати» (1924) и резолюция ЦК РКП (б) 1925 года «О политике партии в области художественной литературы», задали направление литературному и исследовательскому процессу. В первом из них говорится, что в области учебной литературы надо «поставить основной задачей окончательный переход на выпуск новых политически и методологически доброкачественных учебников, учебных и методологических пособий»¹⁴, а также «необходимо добиться перехода всех издательств в основном к печатанию на нерусских языках, выпуска доброкачественного дешёвого учебника для низшей школы (...)».¹⁵ Во втором из них указывается на необходимость «обратить усиленное внимание и на развитие национальной литературы в многочисленных республиках и областях нашего Союза».¹⁶ На мой взгляд, приведённые положения подтолкнули к началу исследования межнациональных литературных связей. Продуктом этих исследований стало большое

¹⁴ См. в: О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении. Сборник документов и материалов. Редкол. Андрей Огороков и др. Сост. Лидия Климанова. Москва: Мысль, 1972, с. 109-115; с. 114.

¹⁵ Там же, с. 112.

¹⁶ См. в: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953. Под ред. Александра Яковлева. Сост. Андрей Артизов, Олег Наумов. Москва: Междунар. фонд «Демократия», 1999, с. 53-57; с. 57. В режиме свободного доступа на: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1925.htm>.

количество научных трудов и выпуск пособий и учебников по русской литературе на национальных языках¹⁷. Образование университетских кафедр, которые занимались бы изучением русской литературы в связи с национальной литературой соответствующей советской республики стало необходимостью. Существование объединяющих разные культуры начал должно было подтвердиться научно. Это было одно из звеньев цепи превращения «чужих» в «своих».

Указания в главные республиканские ВУЗы приходили из Москвы. Процедура избрания ректора и различные нововведения в университетах, в том числе и Грузинской ССР, были связаны с Всесоюзным комитетом по высшей технической школе (1932), затем с Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР (1936-1946), и позже, уже образовавшемся на базе предыдущих органов, Министерством высшего и среднего специального образования СССР или Минвуз СССР (1946-1988). Избрание заведующего кафедрой ложилось на плечи учёного совета конкретного ВУЗа. В начале советского строя заведующий кафедрой должен был быть коммунистом, выходцем из крестьянской или рабочей семьи.

Приведу конкретный пример. Исходя из неопубликованного моего интервью, сделанного 10 августа 2014 года с профессором-эмеритусом Нодаром Левановичем Поракишвили, я узнала, что перед тем как образовать кафедру «Истории русской литературы», сначала была подобрана конкретная личность. Таковым стал Серги Данелиа (1888-1963), выходец из крестьянской семьи, получивший образование в Харьковском и Московском университетах.¹⁸ В первую очередь, он был философом, а как известно, философия и идеология неразделимы, и философ Данелиа мог более грамотно применить подходы диалектического материализма к литературному материалу, чем филолог. Исследовать литературу он стал позже.

¹⁷ Например, изданные в Тбилиси на грузинском языке учебные пособия и исследования Серги Данелиа: «Очерки по истории русской литературы XIX века» (1-е изд. 1936; 2-е 1938; 3-е 1955); «Жизнь и творчество Пушкина», 1937; «Жизнь и творчество Лермонтова», 1946.

¹⁸ Тухарели, Дмитрий. До дней последних // Русский клуб, 2011, № 3 (март), с. 50-51; с. 50.

На период избрания на предлагаемую должность конкурентов в Тбилисском университете не было. Так в 1933 году была основана кафедра «Истории русской литературы» в ТГУ и во главе её стал человек, который вернулся из России, где впитал русскую культуру и получил там образование. Важно отметить, что все учёные указанной кафедры, являясь билингвами, могли свободно преподавать и писать научные труды по-русски и по-грузински. Если говорить постколониальными терминами, то они являлись «гибридами». Данелиа начал читать лекции студентам «русского» и «грузинского» секторов филологического факультета на русском и грузинском языках.

Первый курс «Истории русской литературы», который вёл Данелиа, ограничивался рамками от древнерусской литературы до XIX века. Единственным учебником для студентов были его же «Очерки из истории русской литературы XIX века», а в самой истории он выделял три этапа: литература периода крепостного права в России, литература после его отмены в 1861 году, и литература после 1917г.¹⁹

Судьба учёного сложилась трагично. В 1949 году его обвинили в «космополитизме» и уволили из университета, как оказалось позже, временно. От заведования кафедрой его отстранили навсегда.²⁰

В этот период преобладающим направлением является исследование русской литературы, а не русско-грузинских литературных отношений, что могут проиллюстрировать труды самого Данелиа: предисловия к переведённым на грузинский язык произведениям русских поэтов, к «Слову о полку Игореве», труд «Философия Грибоедова».

2) Период «застоя»

(сер. 1960-х гг. — сер. 1980-х гг.)

С периодом «застоя» связан расцвет исследования русско-грузинских литературных отношений. В это время выходят труды, на основании которых появилась возможность го-

¹⁹ Тухарели, *До дней последних*, с. 51.

²⁰ Там же, с. 50.

ворить о школе исследования указанных отношений. Как уже было сказано, её основоположником стал Вано Шадури.

Исследователь, как и все сотрудники кафедры, владел и русским, и грузинским как родным. Взгляды учёного сформировались на знаниях двух культур.²¹ Кандидатскую диссертацию «К истории русско-грузинских литературных отношений» он защитил в «центре», в России, в Ленинградском государственном университете. После защиты вернулся на родину. Шадури становится во главе кафедры после Данелиа. Активная исследовательская деятельность и организация совместных конференций сделали кафедру одним из центров пропаганды русской культуры в республике.

Шадури работал с уникальным архивным материалом, что и заложило основу всем будущим исследованиям в этой области. Его находки касались почти всех русских писателей XIX века, бывавших в Грузии или не бывавших, но оказавших влияние на общественную мысль. Наблюдения отразились в более сорока книгах, например: «Грибоедов и грузинские литературно-общественные круги 1820-х годов» (1946), «Первый русский роман о Кавказе» (1947), «Друг Пушкина А.А. Шишков и его роман о Грузии» (1951), «Декабристская литература и грузинская общественность» (1958), «Пушкин и грузинская общественность» (1966), «Максим Горький и деятели грузинской культуры» (1970), «Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов: неизвестные материалы о лицейском друге Пушкина В.Вольховском» (1979).

Построение книг учёного сводилось к следующей схеме: в первой части приводилось описание отношения русского писателя к Грузии (данные о его пребывании, о произведениях на грузинскую тему, высказывания о грузинских деятелях, культуре, природе), а во второй части, рассказывалось об отношении грузинской общественности к русскому писателю (предлагались материалы из прессы, из критических статей и литературоведческих работ). Книги включали в себя многочисленные «реверансы» к власти и цитаты из Ленина. Например, в «Летописи дружбы...» уже в названии прослеживается

²¹ Хоми Бхабха назвал таких людей «гибридами».

политическая установка и причастность к советскому «госказу», более того, во втором томе собраны письма, мемуары, документы подтверждающие и «укрепляющие» дружеские связи, но в ней умалчивались некоторые исторические факты. В труде не упоминаются крестьянское восстание в Кахетии (1811 г.) против Российской империи, национально-освободительное движение в Грузии XIX века, оккупация Грузии Красной Армией в 1921 году, кровавое подавление демонстрантов в Тбилиси (1956 г.). Вступление Грузии в СССР освещалось как добровольное, хотя в современных трудах²² оно расценивается как завоевание, аннексия. После крушения СССР белые пятна книги, ставшей настольной для многих учёных, породили вопросы.

Нельзя не упомянуть ещё об одной «скрепе» между «своими» и «чужими» — это учебники на национальных языках. До 60-х годов XX века грузинских пособий по русской литературе не было. В нашем случае, с 1960 по 1963 годы шла работа над созданием первого учебного пособия, трёхтомника, на грузинском языке: «История русской литературы» (в соавторстве с Георгием Талиашвили). Учебник служил пропаганде русско-грузинской дружбы в грузиноязычной среде.

Несмотря на формальное соблюдение официальных установок власти, были случаи, когда учёные шли вразрез формальностям. Например, интересный факт связан опять же с Ваном Шадури.²³ Из неопубликованных воспоминаний коллег и учеников Шадури (Нодара Поракишвили, Марии Филиной, Майи Тухарели) я узнала, что учёный иногда позволял себе совершать весьма смелые поступки. Вопреки всему, в 50-е гг. он принял на кафедру детей репрессированных: Тенгиза Буачидзе, Отара Баканидзе, Лину Хихадзе. В будущем они стали серьёзными учёными, которые возглавили кафедры и задали вектор исследовательскому процессу в Грузии. С одной сторо-

²² Silagava, Valery, Shengelia, Kakha. History of Georgia, Tbilisi: Caucasus University Publishing House, 2007, 172-175; Rayfield, Donald. Edge of Empires: A History of Georgia, London: Reaktion Books Ltd, 2012, 250-264.

²³ Тухарели, Дмитрий. Этапы большого пути.// Русский клуб, 2011, № 5 (май), с. 48-49.

ны, на мой взгляд, такую возможность дала фраза Сталина — «Сын за отца не отвечает», а с другой, у Ваню Семеновича Шадури был двоюродный брат, Варлаам Иванович Шадури, служивший генералом МВД, первым заместителем министра МВД (его деятельность на самых высоких постах длилась с 1969 до 27 ноября 1990 г.)²⁴, и такое родство дало возможность совершать поступки по своему личному усмотрению. Продолжать не только учиться, но и работать в университете Тенгиз Буачидзе, Отар Баканидзе, Лина Хихадзе могли не вступая в ряды коммунистической партии, но возглавлять кафедры до 80-х гг. не коммунисты не могли. В таком шаге Ваню Шадури можно проследить выражение несогласия, своеволие, совершение поступков на то время невозможных в России.

Моментом проявления «мимикрии» явился «побег» ведущих литературоведов Грузии в исследование древнего периода или XIX века русской литературы, так как исследование соцреализма влекло за собой учёт каждодневной конъюнктуры, а именно от этого старались дистанцироваться учёные. Исследователи соцреализма на кафедре «Истории русской литературы» были, так как полностью убежать от XX века было невозможно, но их монографии печатались неохотно, большей частью издавались отдельные статьи, включённые в общие сборники, а сами учёные оставались в тени.

В 60-е годы XX века состав кафедры, исследовавшей русско-грузинские связи, разросся и стал интернациональным. Кроме грузин, были исследователи с русскими (Константин Герасимов), армянскими (Мария Байсоголова, Георгий Гиголов) корнями.

После «оттепели» соцзаказ уже был непрямым, но присутствие цензуры оставалось постоянным. Исследователи сами ориентировались в том, что писать и как писать, и что является запретной темой. «Эзопов язык» остаётся распространённым средством для написания научных трудов. Эти годы отмечены появлением на кафедре учёных-маргиналов, маргиналов не по отношению к профессорско-преподавательскому

²⁴ Сведения о членах НКВД-МВД Грузинской ССР приведены здесь: http://shieldandsword.mozohin.ru/VD3462/terr_org/respublik/georgia.htm.

составу, а по отношению к советской власти и её требованиям. К таким относились известные исследователи: профессор Георгий Михайлович Гиголов, профессор Лина Дмитриевна Хихадзе, и не ставший формально профессором, но которого все за такового считали, Константин Сергеевич Герасимов. В этот же период Гиголов начал читать обзорные курсы по истории других славянских литератур — польской и чешской.

Начиная с 70-х годов, грузинские литературоведы, кроме историко-литературного подхода, стали широко обращаться к сравнительно-типологическому методу исследования. К новому методу первой в Грузии обратилась Лина Хихадзе в монографии «Из истории восприятия русской литературы в Грузии. Опыт историко-литературного изучения» (1978). В вышеупомянутом труде она проводит анализ русской и грузинской классики на типологическом уровне: общие темы, не воспринятые или заимствованные, а вытекающие из тенденций эпохи, влияния и веяния времени, различия и сходства в развитии двух национальных процессов. Другая монография Хихадзе, датированная 2003 годом, стала последней не только для автора лично, но и для грузинской «школы исследования русско-грузинских литературных связей». Назывался труд: «Литература в движении (русско-грузинские диалоги)». В нём учёный обратилась к творчеству Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Гончарова, Достоевского, Ильи Чавчавадзе, Николоза Бараташвили.

70-е гг. XX века отмечены проведением множества всесоюзных конференций, инициатором которых, в том числе, являлась и кафедра ТГУ. Одна из первых всесоюзных конференций прошла в 1960 году и была посвящена литературным связям русского, азербайджанского, армянского и грузинского народов.²⁵ В 1971 году была проведена Всесоюзная Пушкинская конференция, которая впервые после традиционных встреч в Ленинграде или Москве прошла в Тбилиси. Далее Пушкинские конференции были проведены в 1974, 1977, 1999 годах.²⁶ На мероприятия в Грузию приезжали ведущие ли-

²⁵ Тухарели, Этапы большого пути, с. 49.

²⁶ Там же.

тературоведы — профессора Аркадий Долинин, Дмитрий Благой, Борис Мейлах, Александр Панченко, Андрей Гришунин, составители Лермонтовской энциклопедии Виктор Мануйлов и Вадим Вацуро.

В те же годы кафедра «Истории русской литературы» стала базой для появления новой кафедры ТГУ: кафедры литературных взаимосвязей и художественного перевода. Возглавлял её на протяжении десятилетий профессор Отар Акакиевич Баканидзе, специалист по грузино-украинским литературным связям.

3) Позднесоветский период (конец 1980-х — до развала СССР)

В 1980-х гг. в Грузии выросло количество неформальных групп, которые позже организуются в политические партии: партия национальной независимости, Национально-демократическая партия и другие. Особая активность антисоветского националистического движения приходится на 1988 год.²⁷ 9 апреля 1989 года («ночь сапёрных лопаток») произошло кровавое столкновение митингующих с советскими войсками. Митинг был разогнан. Травма, пережитая населением Грузии в ту ночь, вылилась в риторику, разрушительную для межнациональных отношений внутри республики. Процесс агрессивного отказа от всего «русского» в тот период на исследовательском процессе открыто не отразился. Этому были свои причины. Внимание общественности концентрировалось на дискурсе исторического перелома и проблемах социально-экономического характера (острые перебои в подаче электроэнергии, кризис продовольствия). Названные проблемы препятствовали активному исследовательскому процессу в любой области. Количество монографий и статей резко уменьшилось. Это время характеризуется как период физического выживания. Иллюстрацией может послужить судьба Константина Герасимова²⁸, который умер от обострившейся

²⁷ Silagava, Shengelia, *History of Georgia*, 243-244. (См. выше).

болезни на фоне недоедания, а часть его уникальной библиотеки старинных книг была разграблена.²⁹

В 1990-е гг. научный процесс развивается в рамках тем и вопросов, заданных ранее. В 1994 году возглавлять кафедру «Истории русской литературы» стал Игорь Семёнович Богомов (1932-2003): этнический русский, коренной тбилисец, также сформировавшийся «между двух культур». На кафедре ТГУ он начал работать в 1972 году, параллельно являясь заведующим отделом литературных взаимоотношений «Музея дружбы народов» в Тбилиси.

Учёный защитил кандидатскую диссертацию («Из истории русско-грузинских литературных взаимосвязей. Я. Полонский и грузинская действительность», 1960), а позже и докторскую («Из истории грузино-русских литературных взаимосвязей (первая половина XIX века), 1968) в Тбилиси.³⁰

Богомоллов продолжил исследования начатые Шадури, но занимался уже грузино-русскими литературными связями: изучал как и что писали грузинские писатели и общественные деятели о творчестве Александра Грибоедова, Александра Пушкина, Павла Антокольского, Якова Полонского и других русских писателях, а также изучал влияние их творчества на грузинскую литературу и общественность.³¹ Его работы были

²⁸ Трилогия о Константине Герасимове вышла в Тбилиси при участии международного культурно-просветительского союза «Русский клуб»: «Константин Герасимов. Посвящение» (2011); «Константин Герасимов. Из глубины» (2011); «Константин Герасимов. Возвращение» (2011).

²⁹ См. в репортаже Нази Жоржолиани: Константин Герасимов – творческое наследие учёного и поэта, жившего в Тбилиси: <http://sputnik-georgia.ru/culture/20140620/216676600.html>.

³⁰ Тухарели, Дмитрий. В русле встречных потоков // Русский клуб, 2011, 11 (ноябрь), с. 40-41; с. 40.

³¹ «Григол Орбелиани и русская культура», 1964; «Из истории грузино-русских литературных взаимосвязей: (первая половина XIX века)», 1967; «Спаяны дружбой», 1987; «Грузия стала традицией для русской литературы», 2003. Сборники: «Дружба братских литератур, 1972; «Страницы великой дружбы. К 200-летию Георгиевского трактата, 1983; «Брат, ты братством силен: очерки литературных взаимосвязей: к 50-летию образования Союза писателей СССР», 1985; «Тропую дружбы (в соавторстве с Романом Миминошвили)», 1984; «Спаяны дружбой», 1987, «Очаровательный край»,

посвящены Александру Чавчавадзе, Григолу Орбелиани, Николозу Бараташвили, Вахтангу Орбелиани, Микхеилу Туманишвили (поэт), Георгию (Гиорги) Эристави, Важе Пшавеле.

Игорь Богомолов внёс тему «всереспубликанской дружбы» в грузинское литературоведение. В одной из его книг — «Брат, ты братством силён...» — помещены очерки о связях грузинских литераторов с поэтами и прозаиками всех пятнадцати республик СССР (грузино-украинские, грузино-армянские, грузино-эстонские и др.). Труды Богомолова советского периода, безусловно, несут в себе черты времени и определенного «соцзаказа»: пропаганды «тотальной» «дружбы народов». Самое главное, что на фоне чёткой идеологической линии, вниманию последующих поколений исследователей представлены уникальные материалы и фундаментальный труд. На сегодняшний день, другого учёного, который более масштабно представил бы материалы многомерных взаимосвязей грузинской литературы с литературами народов СССР, назвать не получится.

Первый постсоветский период (1990-е гг.)

После развала СССР в бывших советских республиках наступил глубокий социально-экономический кризис. Как говорилось ранее, уже начиная с конца 1980-х гг. фундаментальная наука становится не нужной, а в начале 1990-х закрылись многие научно-исследовательские институты, издательства. Происходила полная переоценка ценностей. Государственная поддержка развития культурных, а, соответственно, и литературных, межнациональных связей советских республик прекращается. «Дружба» русских и грузин сменяется вооружёнными конфликтами в Южной Осетии и Абхазии. Дружеская риторика меняется на агрессивно-ненавистническую. Новая грузинская элита, строя независимое государство, связывала с Россией идею порабощения, гибель грузин во время войн в Южной Осетии и Абхазии, захват территорий бывших гру-

1999; «Грузия стала традицией для русской литературы», 2003.

зинских автономий, к тому же, вспоминались грузинские протесты советского времени. За процессом политической «деколонизации», имеется ввиду выход из состава СССР и образование независимой республики Грузия, последовал процесс «деколонизации» культурной, т.е. отказ от широкого использования русского языка в системе образования Грузии и отказ от рассмотрения грузинской истории и культуры сквозь призму отношений с Россией.³²

Стремление к «культурной» деколонизации поставило русско-грузинскую литературную традицию и людей, которые персонифицировали собой эти отношения, на грань выживания и забвения, хотя большая часть грузинской интеллигенции осознавала, что этот процесс ведет к отрицанию вклада грузинских деятелей на определенном историческом этапе в мировой литературоведческий процесс, вклада, который был бы невозможен без русско-грузинского культурного и литературного общения, строившегося по большей части не только на профессиональном общении, но и на искренней дружбе и творческом сотрудничестве. Литературоведы, занимавшиеся русско-грузинскими связями, и другие специалисты, связанные с русским языком и литературой, стали самой уязвимой группой учёных.

Сами грузинские литературоведы, занимавшиеся русской литературой, держались на расстоянии от царивших в обществе антирусских настроений, и при этом негативно-критической нотки в адрес России, фактически бросившей их страны, не прозвучало.

Социо-политические катаклизмы не могли не сказаться на объеме научных изданий и на качестве научной жизни. Трагично то, что появилась возможность издавать фактически бесцензурно любой материал, но на это не было финансовых средств, к тому же интерес к филологии не только в Грузии, но на всём постсоветском пространстве постепенно был утрачен.

³² А. Эткинд писал, что «колонизация» состоит из двух компонентов: политического и культурного. В книге: Эткинд, Александр. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. Москва: НЛО, 2013, с. 17.

По финансовым причинам основной научной продукцией членов кафедры стали статьи в коллективных сборниках, издававшиеся на личные деньги авторов: сборники «Актуальные вопросы межнациональных филологических общений», «Грузинская русистика. Литературоведение. Лингвистика. Культурология».

В этот самый тяжёлый социо-политический период кафедре «Истории русской литературы» возглавил профессор Игорь Богомолов. Геополитические перемены вынудили искать новые формы для продолжения существования «школы».

В конце 1992 г. Богомолов основал русское культурно-просветительское общество Грузии, вариант диаспоры, в котором становится президентом-координатором.³³ С 1993 он член Совета соотечественников при Государственной Думе Российской Федерации. В годы правления Эдуарда Шеварднадзе он стал депутатом Парламента Грузии (1995-1999).

В этот же период, параллельно традиционному дружескому тону исследования русско-грузинских литературных связей, появляется труд, который стал реакцией на антигрузинские настроения в российском обществе. Нодар Леванович Поракишвили, профессор ТГУ, возглавлявший известную кафедру после Богомолова, предложил кардинально иной взгляд на «дружбу». Его книги дают мне возможность обратить внимание на то, что с переломом в политической системе связан и перелом в науке.

Тридцатилетнее исследование русской художественной литературы и российской прессы дало основание Поракишвили начать развенчивать миф о «дружбе народов» — грузин и русских.

³³ Русское культурно-просветительское общество Грузии // База данных «Лабиринт» (<http://www.labyrinth.ru/content/card.asp?cardid=27838>); см. и на портале Института развития гражданского общества и местного самоуправления (<http://c-society.ru/main.php?ID=215940&ar2=50&ar3=60>). По данным каталога Национальной парламентской библиотеки Грузии, в 2000-2003 гг. Обществом совместно с кафедрой истории русской литературы ТГУ выпускаются три книжки научно-художественного альманаха молодых филологов-русистов «Лик».

В конце 90-х гг. появилась книга «Сеятели вражды, или Анатомия и физиономия грузинофобии» (Тбилиси: Тип. ТГУ: 1997; соавтор Георгий Цибахашвили), а позже, в соавторстве с Омаром Гогиашвили, — «Безумие и безумцы, или Ленин и теперь жалеет всех живых: Незанимательная грузинофобия» (Москва: «Славянский мир», 2005) и «Эпидемия идиотизма: О незанимательной грузинофобии и не только о ней» (Тбилиси: Универсал, 2006).

Вопреки принятым дружеским воспеваниям, которые являлись «скрепой», Поракишвили проанализировал тексты и привёл имена авторов (писателей, публицистов), назвав их «державниками», «заединщиками» и грузинофобами, которые писали или отзывались о Грузии и грузинах сняв романтические очки: Виктор Астафьев, Дмитрий Галковский, Михаил Лобанов, Денис Передельский, Владислав Шурыгин, и другие. Главным настроением в названных работах Поракишвили явилось чувство несправедливости и обиды за негативное отношение русских «коллег», приезжавших и прекрасно отдохавших в Грузии в советское время, а позже неблагоприятно отзывавшихся о южном народе.

Возникли опасения, с которыми трудно не согласиться, что после прочтения трудов Поракишвили неподготовленный читатель и в самом деле увидел бы явления массовой грузинофобии, и что тем самым (т. е. в ходе указанной рецепции) начнется фальсификация прошлого, более того, это грозило началом процесса пережёвывания совместных культурных и научных достижений.

Второй постсоветский период (2000-е гг. до сегодняшнего дня)

Этот период связан с реформами в системе образования Грузии, которые серьёзно отразились на исследовании русско-грузинских литературных связей. Реформы проходили в три этапа: 1997 г., 2004 г., 2010 г. Если первый этап не был кардинальным, за ним не последовали массовые сокращения кадров и реструктуризация ВУЗов, то второй и третий, пришедшиеся

на период президентства Михаила Саакашвили, кардинально отразились на высшей школе. Приоритетными пунктами реформ его правительства были борьба с коррупцией и реформирование системы высшего образования в соответствии с «Болонской конвенцией», а также искоренение всего, что связывало бы население Грузии с «главным врагом» — с Россией, которую обвиняли в аннексии Южной Осетии и Абхазии. Упразднение роли русского языка произошло путём сокращения сфер его применения — школ, университетов. Были максимально закрыты русские секторы в грузинских школах, и сами русские школы, функционировавшие с советских времён. Статус русского языка упразднили до статуса любого другого иностранного. Реформа образования ВУЗов Грузии для ТГУ оказалась весьма болезненной. Это коснулось не только исследователей, связанных с русским языком и литературой. Из почти четырех тысяч сотрудников ТГУ после конкурса на вакансии профессорско-преподавательского состава осталось около семисот человек. От трёх кафедр русского языка (специальной, обслуживающей студентов университета и предназначенной для студентов-иностранцев) и кафедры истории русской литературы в штате ТГУ из 120 сотрудников осталось 9 человек. Кафедры как научно-учебные единицы были упразднены. Шесть факультетов были объединены в один — факультет гуманитарных наук. Со слов профессора Марии Филиной, активно высказывавшейся о проблемах статуса и роли русского языка и литературы в современной Грузии,³⁴ в неопубликованном интервью, сделанном в феврале 2014 года, ясно, что из членов кафедры «Истории русской литературы» после проведения конкурса на вакантные места в середине 2000-х гг. остались 4 профессора (Мария Филина, Лина Хихадзе, Нодар Поракишвили, Майя Тухарели), а позже

³⁴ В передаче «В узком кругу» телеканала «ПИК» от 26.01. 2011.

всего два.³⁵ Лекции читаются в большинстве случаев на грузинском языке.

На сегодняшний день, как и уже было сказано, говорить о «школе исследования русско-грузинских связей» при двух профессорах (Мария Анатольевна Филина и Майя Дмитриевна Тухарели), оставшихся от ведущей кафедры, основные актуальные научные интересы которых не связаны с исследованием русско-грузинских литературных связей, нельзя. Исследовательский процесс приобрел иные рамки, и изучением русской литературы, а не русско-грузинских литературных взаимосвязей, продолжают заниматься отдельные учёные в нескольких ВУЗах Грузии.

Мемуары «летописца кафедры» профессора Дмитрия Тухарели о своих коллегах выглядят как подведение черты большому этапу в «русском» литературоведении в Грузии. Героями его статей стали Серги Данелиа, Вано Шадури, Игорь Богомолов, Анна Чхеидзе.³⁶ В 2015 году появляются не мемуары, а материал, прозвучавший как диагностирующий происшедшее со школой исследования русско-грузинских литературных взаимосвязей — «драма грузинской русистики»³⁷.

Идеологическая установка советской власти, распространявшаяся из Москвы в советские республики, была направлена на объединение народов разных культур и вероисповеда-

³⁵ О сокращении числа преподавателей истории русской литературы в ТГУ говорит и профессор-эмеритус Нодар Поракишвили: «Известно ли Вам, что если тридцать лет назад на кафедре [русской филологии] числилось 17 лекторов, то сейчас осталось лишь две штатные единицы». См.: Поракишвили, Нодар. Былое и драма грузинской русистики (интервью, данное Владимиру Сарисхвили) // Русский клуб, 2015, №3, с. 38-42; с. 38.

³⁶ Дмитрий Тухарели (1925-2012), профессор ТГУ, специалист по теории литературы. Он являлся научным секретарём кафедры «Истории русской литературы» ТГУ с 1950-х годов до 2004-го года. Исследователь, зная антирусские настроения в грузинском обществе, взял на себя задачу зафиксировать воспоминания о своих коллегах, внесших вклад в литературоведение обеих стран. См.: Еремян, Арсен. Двое в серых шинелях.// Русский клуб, 2010, №7, с. 28-29. Последнюю статью литературовед посвятил своей коллеге Анне Чхеидзе. См.: Тухарели, Д. Разные судьбы – дело одно.// Русский клуб, 2012, №8, с. 48-49.

³⁷ Поракишвили, Былое и драма...

ний в одну «большую семью», в «имперский проект» — СССР. Официальная власть поставила себе на службу не только литературу, имею ввиду соцреализм, но и литературоведение, одной из основных задач которого стало на научном уровне доказать и подтвердить близость и переплетённость литературных связей народов СССР, а в нашем случае русско-грузинских. Литературоведческие исследования должны были подчеркнуть, что те, «другие», являются продолжением «своих», что они не «чужие». Процесс исследования межнациональных литературных отношений служил одной из «скреп», объединяющих народы. Этим объясняется и зарождение направления, и его расцвет в советский период.

С крушением СССР и советской идеологии рухнули и «скрепы». Исследование русско-грузинских литературных взаимоотношений стало неактуальным. В Грузии последняя монография по указанной теме вышла в 2003 году и принадлежит Лине Хихадзе.

Государственная идеология может поспособствовать зарождению или наоборот «уничтожить» конкретное направление исследования, в нашем случае — исследование русско-грузинских литературных взаимосвязей в Грузии.³⁸

³⁸ Следует упомянуть, что место Грузии в русском и советском воображении и связи русской и грузинской литератур интересуют западноевропейских и американских учёных: Luigi Magarotto, *L'Avanguardia a Tiflis: studi, ricerche, cronache, testimonianze, documenti*, 1982; Susan Layton, *Russian Literature and Empire. Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy*, 1994; Harsha Ram, *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*, 2003; Giorgi Maisuradze, Franziska Thun-Hohenstein, Sonniges Georgien. Figuren des Nationalen im Sowjetimperium, 2015.